

Цзинпина жестоко лихорадило. Он то и дело покрывался холодным потом.

Дядя Сунь едва успевал переодевать его, но не проходило и получаса, как чистая одежда вновь становилась насквозь мокрой. Наконец сухих вещей вовсе не осталось. Юноша метался в постели, затихая лишь на мгновение; казалось, он вот-вот очнется, но липкий кошмар держал его намертво. Он бессвязно бормотал в бреду, но расслышать его тихую речь было невозможно.

Ли Яо стоял у постели, уперев руки в бока и хмурясь. Некоторое время он молча разглядывал больного, а затем решительно стянул с него мокрое платье. Набросив на голое тело Цзинпина свой просторный домашний халат, он укутал юношу в одеяло, точно в плотный свиток, и крепко прижал к себе. Ли Яо хорошо помнил собственное отравление в бытность генералом: когда яд наконец выходил, его точно так же бросало то в жар, то в холод, время и пространство путались, а в груди селился безотчетный страх. Тогда лишь тесные объятия одеяла в самом глухом углу помогли ему вернуть зыбкое чувство реальности.

Спустилась глухая ночь, но дождь так и не утихал. При каждом раскате грома Цзинпин болезненно морщился.

Вспомнив, как прошлой ночью этот малец испуганно вздрогнул от грозы, Ли Яо невольно подумал:

«Неужели этот сорванец боится вовсе не кладбищенских могил на склоне, а обыкновенного грома?»

Он крепче обнял юношу за плечи и при каждом глухом ударе стихии ласково похлопывал его, точно баюкая ребенка.

Мягкие, но надежные объятия наконец подарили Цзинпину долгожданное чувство безопасности. Метания прекратились, и он затих.

Когда он снова открыл глаза, вокруг по-прежнему царил полумрак. Тело ломило, и он никак не мог понять, жарко ему или холодно. Стоило ему шевельнуться, как рядом тут же кто-то задвигался.

— Еще что-нибудь болит? — раздался негромкий голос, и прохладная ладонь легла на его пыщущий жаром лоб.

Цзинпин лежал в оцепенении, перед глазами все еще стоял недавний кошмар. Он казался слишком реальным, будто все произошло наяву.

Во сне за ним по пятам следовала мать — истерзанная, едва похожая на человека. Сердце разрывалось от боли; он смутно понимал, что это лишь наваждение, но не мог ни шевельнуться, ни очнуться. Он пытался кричать, но из горла не вылетало ни звука.

И как раз в этот миг отчаяния его окутал тонкий, едва уловимый аромат. Он соткался в невидимый щит, защитивший его от кошмара, и жуткие видения наконец рассеялись.

Он был спасен.

Но разве можно чувствовать запахи во сне? Этого он понять не мог.

Ли Яо тем временем поднялся с постели. От его движения знакомый аромат колыхнулся, точно тихая озерная гладь под дуновением легкого ветра, но не исчез до конца.

Цзинпин попытался пошевелить затекшим телом и с изумлением обнаружил, что на нем надет домашний халат Ли Яо, а под ним — совсем ничего...

Юноша был застенчив; уши его мгновенно вспыхнули от смущения. И тут его осенило: сонный кошмар отступил именно перед запахом, исходившим от этой одежды.

— Кошмар приснился?

Сквозь колыхание теней вернулся Ли Яо. Он нес тускло горящую свечу и поставил ее так, чтобы свет не слепил юношу. Присев на край постели, он оглядел его:

— Ну вот... теперь ты хотя бы похож на живого человека.

Но когда сил едва хватает на вздох, в душу легко закрадывается уныние.

Цзинпину сейчас было именно так. Словно какая-то струна оборвалась в его мыслях; он растерянно смотрел на Ли Яо, и к горлу внезапно подкатила горькая обида.

— У меня... ничего не осталось, — тихо произнес он. — Мне нечем отплатить за спасение жизни.

Ли Яо опешил. Первая мысль — в своей обычной шутливой манере предложить «отплатить собой» — показалась ему сейчас неуместной и даже глупой. Кашлянув, он принял благообразный вид и мягко произнес:

— У меня как раз озябли руки. Отогрей их, вот и почтем долг уплаченным.

С этими словами он и впрямь протянул ладони к Цзинпину.

Свеча горела позади Ли Яо, очерчивая его фигуру мягким золотистым ореолом. Цзинпин плохо видел его лицо в полумраке, но ему показалось, что мужчина тепло улыбнулся. Должно быть,

улыбка эта была на редкость красивой... Словно во власти неведомых чар, юноша протянул руки и сжал его ладони в своих.

Руки у Ли Яо и впрямь оказались ледяными. Несмотря на теплую одежду, холод от его пальцев легко передался ладоням Цзинпина.

Днем юноше довелось коснуться руки Иншу — теплой, нежной, но вызвавшей у него лишь глухое отвращение и страх. Пальцы же этого взбалмошного «Ли Будую» были тонкими, холодными и жесткими, покрытыми мозолями, но именно это прикосновение принесло Цзинпину странный покой.

«И кто кого тут согревает? Какая глупость...» — пронеслось в его угасающих мыслях, прежде чем он снова провалился в глубокий сон.

Яд народа Цзе оказался на редкость коварным и стойким.

Цзинпин пролежал пластом целых три дня. Лишь к исходу третьего голова его наконец прояснилась, а руки и ноги вернули былую чуткость, вновь подчиняясь его воле.

Утром четвертого дня в комнату вошел дядя Сунь. Увидев, что Цзинпин, покачиваясь, пытается сделать первые шаги, старик не шутку перепугался.

— Ох, батюшки мои! Господин Цзинпин, ну куда же вы поднимаетесь? — Дядя Сунь с невиданной для его лет прытью подскочил к юноше и бережно подхватил его под локоть.

— Все хорошо. Спасибо вам за заботу в эти дни, — ответил Цзинпин. Немного постояв, чтобы привыкнуть к твердой почве под ногами, он подошел к принесенному стариком тазу с горячей водой, намереваясь умыться, но тут же вспомнил, что его левая щека и левая рука все еще плотно замотаны тканью.

Дядя Сунь намочил полотенце и принялся осторожно обтирать его лицо, негромко приговаривая:

— Моей-то заслуги тут почитай и нет. Эти дни наш хозяин сам от тебя не отходил. Кто бы мог подумать, что он умеет быть таким заботливым! Стоило тебе ночью забеспокоиться, он всю ночь напролет сидел рядом, глаз не смыкая. А днем — даже не прилег отдохнуть, чуть свет уходил со двора по делам. Он и так-то худой, а теперь его, кажись, и вовсе ветром сдует. Молодой господин, как же тебя угораздило так покалечиться?

Разумеется, о тайных государственных делах простому слуге никто докладывать не стал. Цзинпин тоже промолчал, лишь спросил:

— Господин Ли уже вернулся? Хочу поблагодарить его лично.

— Вернулся, у себя в кабинете сидит, — ответил дядя Сунь.

Цзинпин кивнул.

Он не выходил из комнаты несколько дней, и стоило ему распахнуть дверь, как в лицо ударил резкий холодный ветер.

Приближался праздник Ханъицзе, и воздух с каждым днем становился все суровее.

Подойдя к кабинету, Цзинпин не успел даже поднять руку для стука, как изнутри донесся глухой стук — точно кто-то в сердцах ударил ладонью по столу.

Затем раздался голос Ли Яо:

— Неслыханная дерзость!

Говорил он негромко, но в его тоне сквозила леденящая ярость.

От этой неожиданной суровости Цзинпин невольно замер, его пальцы лишь слегка скользнули по деревянной двери.

— Кто там? — тут же резко спросил Ли Яо.

«С чего бы ему так злиться?» — подумал юноша, но вслух ответил спокойно:

— Это я. Пришел поблагодарить вас.

Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял Ли Яо, а в глубине комнаты виднелся Хуа Синьфэн — хмурый и озабоченный.

Поток морозного воздуха ворвался в проем, заставив Ли Яо негромко закашляться. На плечи его уже была наброшена теплая меховая накидка; холода он действительно не переносил. Однако при виде Цзинпина гнев с его лица мгновенно сошел.

— Проходи, присаживайся, — радушно пригласил он, махнув рукой. — Да прикрой плотнее дверь.

Повернувшись обратно к Хуа Синьфэну и точно забыв о присутствии юноши, он спросил:

— И что конкретно он тебе предложил? Хочет утаить его у себя?

Хуа Синьфэн бросил беглый взгляд на Цзинпина, удивленный тем, что Ли Яо ведет подобные разговоры при нем.

— Вчера поздно ночью он самолично явился ко мне в лагерь. С глазу на глаз просил убрать имя Иншу из следственного протокола. Бился в грудь и клялся, что запрет его во внутреннем дворе и никто чужой этого человека отныне в глаза не увидит.

Под этим «он» Хуа Синьфэн имел в виду префекта Фань Хуна. Этот господин Фань стоял по службе на полранга выше Хуа Синьфэна и, верно, сочтя всегдашнюю вежливость секретаря Хуа за слабость, вконец обнаглел, решив, что с ним можно договориться о любой глупости. Но секретарь Хуа не собирался потакать его безумию и ответил жестким отказом прямо на месте.

Ли Яо прекрасно знал о слабости Фань Хуна к Иншу, но не думал, что префект настолько лишился ума от этой похоти, раз решился выкатить подобную чушь.

Изложив суть дела, Хуа Синьфэн замолчал. Он мягко взял Цзинпина за запястье и проверил его пульс.

— Чтобы окончательно вывести остатки яда, понадобится еще не меньше половины месяца, — заключил он.

В его теплом взгляде, обращенном к юноше, скользнуло нечто такое, словно он увидел в нем черты старого, давно потерянного друга.

Цзинпин не успел ничего спросить, как со двора послышались торопливые шаги. Прибывший остановился у самого порога и негромко доложил:

— Командующий, префект Фань просит вас немедленно прибыть к нему в усадьбу для разговора.

Хуа Синьфэн вопросительно взглянул на Ли Яо, но тот лишь небрежно махнул рукой.

Не проронив больше ни слова, Хуа Синьфэн развернулся и ушел.

В кабинете воцарилась тишина.

Видя, как сурово и холодно выглядит обычно беспечный Ли Яо, Цзинпин не решался заговорить с ним. Посчитав за лучшее уйти, он уже открыл было рот, чтобы вежливо распрощаться, но хозяин дома опередил его:

— Ты ведь искал Ли Яо? — спросил он напрямую.

Цзинпин растерялся.

Он действительно искал этого человека, но его собственное прошлое было настолько запутанным, а последствия признания — столь непредсказуемыми, что он просто застыл на месте, не зная, что ответить.

Каким бы взрослым и умудренным скитаниями ни казался этот подросток, для Ли Яо все его мысли были как на ладони.

Поняв, что юноша все еще осторожничает, он не стал допытываться и произнес просто:

— Это я и есть.

Цзинпин оцепенел от изумления.

«Но разве ты не погиб?!»

Он понимал, что его спаситель — человек незаурядный, скрывающий свое истинное величие под чужой личиной. Но как получилось, что тот, кого он безуспешно разыскивал повсюду, сам оказался прямо перед ним?

К тому же Цзинпин еще не догадывался, что Ли Яо давно распутал клубок совпадений и раскрыл его тайну, оттого и не мог взять в толк причины такой внезапной откровенности.

— То, что ты не веришь, вполне естественно, — Ли Яо спрятал руки в широкие рукава и принялся неторопливо прохаживаться по комнате. — К тому же у меня под рукой нет ничего, что могло бы подтвердить мои слова. Прямо-таки незадача.

Он остановился и решил выложить карты на стол:

— Твое кольцо из белого нефрита когда-то принадлежало супруге герцога Синь. А сам ты — маленький наследник этого почтенного дома. И если Цзинпин — твое настоящее имя, то мне следует величать тебя Хэ Цзинпином, не так ли?

В душе Хэ Цзинпина в этот миг бушевал настоящий ураган. Из последних сил сохраняя внешнее хладнокровие, он молча уставился на собеседника.

Ли Яо негромко вздохнул и мягко улыбнулся:

— Не хочешь отвечать — забудь мои слова. Кем бы ты ни был, сейчас тебе нужно просто поправляться.

— Вы... вы действительно канцлер Ли? — Хэ Цзинпин неотрывно смотрел на него. — Но почему тогда все говорят, что вы мертвы?

Зимний свет из окна падал на Ли Яо, заставляя его седину сиять слепящим серебром. Цзинпин смутно догадывался, какая глубокая драма кроется за этой переменной, но мысли его путались, и он сумел задать лишь этот простой вопрос.

— Был я канцлером или нет — дело прошлое, — легкомысленно бросил он. — Но то, что ваш покорный слуга прослыл героем — чистая правда. А про героев, как известно, всегда слагают небылицы. Стоит ли удивляться?

Заметив, что от его слов бледное лицо юноши вытянулось еще сильнее, Ли Яо притворно закашлялся и заговорил строгим наставительным тоном, какой подобает старшему:

— А теперь марш в постель. Если яд доберется до самого сердца, тебя второй раз и бессмертные с неба не вытащат. — Он скользнул взглядом по его легкому наряду. — Одежонка у тебя совсем никудышная. Скажу дяде Суню, чтобы справил тебе справные зимние вещи.

Легок на помине: не успел он договорить, как во двор вошел дядя Сунь.

Ли Яо, мягко придерживая Цзинпина за плечи, вывел его из кабинета. Старик как раз держал в руках нарядное приглашение.

— Хозяин, тут посыльный от префекта Фаня бумагу принес, — доложил дядя Сунь. — Просят вас вместе с молодым господином Цзинпином пожаловать сегодня на ужин.

Ли Яо пробежал глазами текст и недовольно поморщился:

— Ох, сколько хлопот на ровном месте...

<http://bllate.org/book/18368/1760214>